

ДУЭЛЬ ИСТОРИКОВ

АЛЕКСАНДР ОЛЕГ

ШЕВЯКИН ХЛОБУСТОВ

**ЮРИЙ
АНДРОПОВ:**

РЕФОРМАТОР ИЛИ РАЗРУШИТЕЛЬ?

Дуэль историков

Александр Шевякин

**Юрий Андропов: реформатор
или разрушитель?**

«Алисторус»

2014

Шевякин А. П.

Юрий Андропов: реформатор или разрушитель? /

А. П. Шевякин — «Алисторус», 2014 — (Дуэль историков)

В июне исполняется сто лет Юрию Владимировичу Андропову. Он был последним великим человеком во главе нашей страны и первым руководителем спецслужб на этом посту. Андропов начал первые реформы после долгих годов застоя, и он же принялся за закручивание гаек после брежневской «вольницы». Споры вокруг оценок его деятельности идут до сих пор. Мы представляем два полярных мнения, за каждым из которых стоит серьезная и убедительная аргументация. А кто прав – решать самому читателю. Александр Шевякин, автор нашумевшего расследования «КГБ против СССР» уверен: Андропов был убежденным и последовательным врагом СССР, а вся его деятельность – это цепь разрушений. Ему противостоит ветеран КГБ, автор книги «Неизвестный Андропов» – Олег Хлобустов, который считает, что реформы Андропова могли стать спасением для нашей страны. Эта книга будет интересна всем, кому небезразлична история СССР.

© Шевякин А. П., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

ЗА	5
...Видный партийный и государственный деятель Юрий Владимирович Андропов	5
Медиатор[1]	17
Секретарь ЦК КПСС	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Шевякин, Олег Хлобустов

Юрий Андропов: реформатор или разрушитель?

ЗА
Олег Хлобустов

...Видный партийный и государственный деятель Юрий Владимирович Андропов

Когда-то, наверное, будет написана исчерпывающая история нашей эпохи. Можно быть уверенным, что в эту историю золотыми буквами будет вписан тот несомненный факт, что без твердой миролюбивой политики Советского Союза наша планета была бы не только куда более опасным местом для жизни человека, но, вполне возможно, ее уже постигла бы непоправимая беда.
Юрий Андропов

21 июня 1951 г. второй секретарь ЦК коммунистической партии Карелии Юрий Владимирович Андропов переводится в Москву на должность инспектора отдела Центрального Комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) – ВКП(б). Здесь ему, занимаясь «курированием работы» партийных организаций северо-западного региона (от республик Прибалтики до республики Коми), пришлось работать под непосредственным руководством секретаря ЦК по кадрам Г. М. Маленкова и секретаря ЦК ВКП(б) М. А. Суслова, выступать с содокладами на заседаниях и готовить решения Оргбюро ЦК ВКП(б).

Еще с этого периода времени у него складываются напряженные отношения с секретарем и членом Президиума ЦК ВКП(б) – КПСС М. А. Сусловым (последний неоднократно выражал недовольство Андроповым), и его считают инициатором последующей «дипломатической опалы» – перевода Юрия Владимировича в Министерство иностранных дел СССР в июне 1953 г.

24 марта 1953 г. на заседании Секретариата ЦК КПСС Андропов утвержден заведующим подотделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов.

Однако уже в мае того же года по предложению министра иностранных дел В. М. Молотова – приказ о зачислении в штат резерва был подписан 15 мая – Андропов переводится в МИД СССР. В июле – сентябре он проходит ускоренный курс подготовки для работы на дипломатическом поприще. А уже в октябре 1953 г. Ю. В. Андропов получает назначение советником-посланником в посольство СССР в Венгерской Народной Республике, а в июле следующего года назначается Чрезвычайным и полномочным послом Советского Союза в этой стране.

– С самым молодым по возрасту и положению сотрудником посольства, – вспоминал ставший впоследствии Чрезвычайным и Полномочным послом В. Н. Каземиров, – он общался непринужденно, не изображая «сверхзанятости» ответственного работника, не «отрывался от коллектива»... У него «был дар пробуждать у людей инициативу – каждый хотел что-то предложить от себя... Он буквально вытягивал из каждого предложения, как поступить, как что-то сделать, и таким образом приучал к конкретным делам».

В то же время, что подчеркивают многие близко соприкасавшиеся с Андроповым, «у него нацеленность на работу, на конкретные вещи была колоссальной, что в какой-то мере передавалось и коллективу. Не было озабоченности собственной персоной. У него была сатанинская преданность работе».

– Когда Андропов стал послом, – вспоминал В. Н. Каземиров, – он ввел в практику работы проведение еженедельных совещаний, на которых присутствовали обычно все сотрудники посольства – около 30 человек.

В ходе таких совещаний Андропов давал оценку обстановки, обозначал общие задачи коллектива, давал конкретные поручения и рекомендации по их выполнению. Эта метода была крайне полезна для становления сотрудников дипмиссии и в информационном, и в профессиональном плане».

Деятельность советского посла в Будапеште Ю. В. Андропова получала одобрение МИД СССР, в связи с чем он в числе немногих послов был приглашен в качестве гостя на XX съезд КПСС в Москву.

Выступивший перед делегатами съезда 25 февраля 1956 г. Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев был, безусловно, прав, говоря впоследствии о том, что «большинство слушателей впервые узнало правду о трагических событиях» из недавней истории страны: делегаты были поражены рассказом о зверствах, которые были совершены по отношению к заслуженным людям, старым большевикам и молодежи... Это была трагедия для партии и для делегатов съезда. Трагедия, отголоски которой сохранились, несмотря на прошедшие десятилетия, и до наших дней.

Обращаясь к делегатам съезда, Н. С. Хрущев пророчески предрек:

– Сейчас речь идет о вопросе, имеющем огромное значение и для настоящего, и для будущего партии.

Первый секретарь ЦК КПСС подчеркивал необходимость «серьезно разобраться и правильно проанализировать этот вопрос, для того чтобы исключить всякую возможность повторения даже какого-либо подобия того, что имело место при жизни Сталина, который проявлял полную нетерпимость к коллективности в руководстве и работе, допускал грубое насилие над всем, что не только противоречило ему, но казалось ему... противоречащим его установкам.

...Нам нужно решительно, раз и навсегда развенчать культ личности, **сделать надлежащие выводы как в области идейно-теоретической, так и в области практической работы».**

– Доклад Н. С. Хрущева, – отмечал его современник, – «произвел прямо-таки ошеломляющее впечатление. Сразу воспринять все сказанное было просто невозможно, настолько тяжелыми и неожиданными оказались впервые обнародованные факты столь масштабных нарушений законности и чудовищных репрессий... Нужно было как следует осмыслить все сказанное, понять, как такое могло произойти в социалистической стране.... В стратегическом плане выбранный курс был единственно верным, без него невозможно было здоровое развитие общества. Тактически же мы совершили серьезную ошибку, пойдя на этот шаг без соответствующего пропагандистского обеспечения... Огромные же массы советских людей оказались в положении без вины виноватых, испытывая чувство горького разочарования и опустошенности».

Сразу подчеркну, что, по моему личному убеждению, что бы ни говорилось и ни писалось об Андропове, Юрий Владимирович всегда был и оставался последовательным приверженцем курса и решений XX съезда. Что и принесло ему репутацию «либерала» в некоторых кругах советского общества. Как это ни парадоксально – в порой диаметрально противоположно настроенных группах: от партийного чиновничества разного ранга, до интеллигенции и «диссидентов».

Но трагедия состояла еще и в том, что партийное руководство не продумало того, а что же должно последовать с его стороны за докладом о преступлениях предыдущей эпохи? Вследствие этого Президиум ЦК КПСС, Хрущев утратили инициативу: Постановление ЦК о преодолении последствий культа личности Сталина было опубликовано только 5 июля 1956 г., через месяц после того, как содержание «секретного» доклада стало известно за рубежом и он начал зачитываться на волнах радиостанций, вещавших на СССР и страны народной демократии на языках населяющих их народов... (Ранее в качестве закрытого «письма ЦК КПСС» текст доклада Хрущева «О культе личности Сталина и его последствиях» был направлен во все партийные организации и зачитывался без обсуждения на собраниях советско-партийного актива. Вследствие этого с его содержанием, производившим ошеломляющее впечатление на слушателей, были ознакомлены миллионы граждан СССР: в 1956 г. численность только и членов, и кандидатов в члены КПСС составляла свыше 7 миллионов человек).

Делегации иностранных компартий познакомились с выступлением Н. С. Хрущева 25 февраля, а также позднее их руководству был направлен несколько сокращенный его текст. Необходимо отметить, что, несмотря на то что текст доклада имел конфиденциальный характер, уже в июне 1956 г. его содержание стало широко известно по всему миру.

К широкой публикации текста доклада за рубежом, как потом выяснилось, полученного по каналам израильской разведки из Польской народной республики (ПНР), непосредственно «приложили руки» государственный секретарь и директор Центрального разведывательного управления США братья Джон Форстер и Аллен Даллесы.

Позднее в своей книге «Искусство разведки» в 1963 г. А. Даллес писал: «Я всегда рассматривал это дело как одну из самых крупных разведывательных операций за время моей службы в разведке. Поскольку доклад был полностью опубликован госдепартаментом, добывание его текста было также одним из тех немногих подвигов, о которых можно было сказать открыто, лишь бы источники и методы приобретения документа продолжали оставаться тайной».

Контрреволюционный мятеж в Венгрии, развязанный внутренней реакцией в октябре 1956 г. при поддержке извне, определенное влияние на содержание и направленность которого оказали и разоблачения преступлений эпохи Сталина, явился серьезным испытанием для коллектива советского посольства в Будапеште.

Организаторы мятежа, добиваясь свержения народной власти и реставрации буржуазных порядков, не без оснований видели в Советском Союзе и в венгерско-советской дружбе одно из главных препятствий на пути реализации своих замыслов. Стремясь придать развитию событий в Венгрии антисоветскую направленность, враждебная пропаганда внутри страны и извне всемерно разжигала националистические и шовинистические настроения среди ее граждан, иногда грубо, а порой и утонченно клеветала на Советский Союз, на советско-венгерские отношения, сеяла неприязнь ко всему советскому.

Отслеживание развития ситуации в стране и было одной из важнейших задач советского посольства в Будапеште. Мы не будем подробно анализировать причины и истоки событий октября 1956 г., отсылая читателя как к свидетельствам их непосредственных участников, так и к опубликованным работам по этой проблеме, и остановимся только на вопросах работы советского посла Андропова в Будапеште в трагические месяцы 1956 г.

Доклад Н. С. Хрущева делегатам XX съезда КПСС о культе личности Сталина и его последствиях произвел ошеломляющее впечатление как на всех знакомившихся с ним советских граждан, так и на руководителей коммунистических партий зарубежных стран, присутствовавших на съезде, членов коммунистических и рабочих партий.

Потрясенный услышанным в Кремле, первый секретарь Венгерской партии трудящихся (ВПП) Матияш Ракоши, до недавнего времени именовавший себя «лучшим венгерским учеником Сталина», доверительно говорил советскому послу:

– Юрий Владимирович, вы еще очень молодой человек и застанете то время, когда сами убедитесь, какой ценой придется заплатить вам и нам за этот съезд. Так не делается. Это катастрофа.

Многие авторы подчеркивали присутствие у Юрия Владимировича своеобразного «венгерского синдрома». Что вполне понятно, поскольку на его глазах происходило все многомесячное вызревание конфликта, завершившегося массовым кровопролитием, и именно им в конечном итоге систематизировались, анализировались и оценивались факты, характеризовавшие развитие политического кризиса в стране. И его выводы в виде взвешенных и выверенных оценок происходящего шифртелеграммами направлялись в МИД СССР и ЦК КПСС. Но в Москве эта информация далеко не всегда находила понимание и адекватную оценку.

Именно в этот напряженный период ярко проявились выдающиеся аналитические способности Юрия Владимировича, масштабность его мышления, сосредоточенность на отстаивании интересов Советского Союза, упорство, хладнокровие и выдержка, выносливость.

Некоторые, но далеко не все исходные данные для выводов о положении в Венгрии представлялись Ю. В. Андропову работавшими в посольстве официальными представителями КГБ при СМ СССР при министерстве внутренних дел Венгрии Е. Т. Синицыным и Г. Ф. Григоренко. Помимо этого посол опирался и на иные, дипломатические и партийные источники информации.

С начала в апреле 1956 г. острых дискуссий о судьбах социализма не только в партийных организациях, но и в венгерском обществе, в которые были вовлечены тысячи венгров, советское посольство информировало МИД и ЦК КПСС об усилении брожения, росте националистических и антисоветских настроений, падении авторитета ВПТ, ее руководства.

Следует напомнить, что хотя 27 июня 1941 г. Венгрия вслед за Германией объявила войну СССР и ее армия участвовала в боях на германо-советском фронте, понесла многочисленные потери (только в 1944 г. погибли более 350 тысяч солдат, оказывавших по приказу своих командиров отчаянное, но бессмысленное сопротивление наступающей Красной Армии; 514 тысяч из них попали в советский плен), однако большинство мадьяр не считало свое правительство виновным во втягивании страны в войну и участии в агрессии.

В 1954–1955 гг. из СССР в Венгрию вернулись более 200 тысяч бывших военнопленных (остальные были освобождены ранее), представлявших наиболее реакционную и шовинистически настроенную часть офицерского корпуса и активистов фашистской партии «Скрещенные стрелы». И именно эти люди сыграли далеко не последнюю роль в кровавых событиях октября – ноября.

В одиннадцатимиллионной стране с 1948 г. около 200 тысяч граждан стали жертвами политических репрессий, что, естественно, не прибавляло симпатий к «народной» власти.

М. Ракоши сетовал советскому послу:

– Вы, товарищ Андропов, должны помнить, что в Венгрии нет Сибири и все, кто вышел из тюрьмы во время вашей оттепели после 1954 г., находятся прямо здесь, рядом с нами, на улицах и площадях, на заводах и в кооперативах.

После начала в середине июня трансляций радиостанциями «Голос Америки», «Свобода» и «Свободная Европа» (последняя специализировалась как раз на аудитории европейских стран народной демократии) антисталинских разоблачений Хрущева антисоциалистические силы, причем не только в Венгрии, стали мечтать и готовиться к историческому реваншу, не желая упустить предоставленный им судьбою шанс.

Как много позже писал по этому поводу старший научный сотрудник Архива национальной безопасности США (US NSA) Джон Прадос: «роль «Свободы» и «Свободной Европы», вещавших с территории ФРГ на СССР и другие страны Восточного блока, была особенно велика. Некоторые эксперты считают, что радиостанция «Свободная Европа» сыграла роль прямого катализатора восстания венгров против коммунистической системы в 1956 г. У нас

нет стопроцентных свидетельств того, что эта радиостанция призывала венгров к восстанию, хотя, безусловно, мы не можем утверждать, что она соблюдала полный нейтралитет во время тех событий.

В любом случае и события в Венгрии, и события в Чехословакии, и развал СССР (недаром Борис Ельцин как-то признался, что из всех радиостанций он слушал в основном «Свободу») дают возможность судить о степени влияния американских радиостанций на умы и души жителей Восточной Европы... Затраты ЦРУ вряд ли поддаются исчислению. Я думаю, в тот период США израсходовали на «холодную войну» от 100 до 150 миллиардов долларов».

Фактом остается то, что передачи доклада Хрущева на волнах радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода», вызвали стремительный и бурный рост антисталинских, антисоветских и антикоммунистических настроений и проявлений как в самом СССР, так и в других социалистических странах, особенно в Польше, а затем и в Венгрии.

По стране поползли самые невероятные слухи о культе личности, о злоупотреблениях собственного партийного руководства, что и привело к попытке вооруженного мятежа против власти Венгерской Народной Республики в конце октября 1956 г.

Под напором все усиливавшейся критики первый секретарь ВПТ Матяш Ракоши, «лучший венгерский ученик Сталина», был вынужден в начале июля оставить свой пост.

Однако несмотря на предпринимаемые правительством Венгрии меры, эскалацию политического кризиса предотвратить не удалось.

Андропов предупреждал Москву об углублении политического кризиса, неприятии партийным руководством активных мер к стабилизации обстановки в стране, что только способствует углублению кризиса.

Например, сменивший в июле Ракоши на посту генерального секретаря ВПТ малоизвестный в партии, бывший ранее министром госбезопасности Эрне Гере в августе месяце... отбыл на полтора месяца в отпуск в Крым.

Андропов, в отличие от московских руководителей, не питал иллюзий в отношении авантюриста Имре Надя, ранее, до 1950 г., занимавшего ряд министерских постов в правительстве Венгрии, а ныне опять рвавшегося к власти. Однако в отличие от Андропова в Москве знали, что многие годы проживший в СССР сотрудник бывшего Коминтерна Имре Надь был секретным агентом НКВД под псевдонимом «Володя», а поэтому воспринимала его как весьма подходящую кандидатуру для переговоров и возможных компромиссов.

Информация посла явно не стыковалась в центре: Андропов летом предупреждал об ухудшении ситуации, спецсообщения же представителей КГБ в Будапеште подчеркивали, что дестабилизирующие процессы носят поверхностный характер, а главное, контролируются руководством страны.

В июле первый заместитель министра иностранных дел Андрей Андреевич Громыко в разговоре с Андроповым по ВЧ-связи оборонил многозначительную фразу: «Здесь, в Москве, создается впечатление, что вы слишком много пишете».

Это был прямой намек на предстоящую отставку, а столь плачевное возвращение из первой заграничной командировки не сулило послу явно ничего хорошего.

Однако, как показали последующие события и что самым непосредственным образом сказалось на судьбе героя нашего повествования, направлявшаяся Андроповым в Москву информация была объективной, обоснованной и предупреждавшей о возможном дальнейшем негативном развитии событий, хотя и осталась «непонятой» в призванных принимать соответствующие политические решения инстанциях.

Следует, однако, при этом добавить, что ЦК КПСС и МИДу приходилось в это время одновременно решать аналогичные проблемы в Польше, а также пытаться влиять на развитие египетско-израильского конфликта, в связи с чем внимание к тревожным донесениям советского посла из Венгрии было ослаблено.

В августе, прибыв в Москву для консультаций, Андропов с удивлением узнает, что по мнению МИДа после смены М. Ракоши и возвращения в «большую политику» И. Надя в развитии обстановки в Венгрии не наблюдается отрицательной динамики, что кризис, по крайней мере, не расширяется и что руководство ВПТ в принципе контролирует ситуацию.

Эта оценка соответствовала выработанной в Москве линии на отношения с венгерским руководством, особенно возлагавшимся надеждам на авторитет и благоразумие И. Нады.

Когда в начале сентября Н. С. Хрущев обсуждал ситуацию в Венгрии с отдыхающим в Крыму Э. Гере, тот бросил: «Ваш посол нервничает!».

После этого семья Андропова в прямом смысле начинает паковать чемоданы, прекрасно понимая, что отзыв посла не заставит себя долго ждать. Однако сам Э. Гере, узнав об этом решении Москвы, немедленно связался по прямой связи с Н. С. Хрущевым и попросил его «ввиду сложности обстановки в стране оставить товарища Андропова в Будапеште».

Еще 6 октября посол предупреждал Москву, что если и далее позволить событиям идти на самотек, то «вопросы социализма в Венгрии будут решаться на улицах».

В рукописи книги о своем отце Игорь Юрьевич Андропов отмечал, что «к удивлению нынешних исследователей, резидентура КГБ в Будапеште по-прежнему посылала в Москву «убаюкивающие» депеши».

А в Москве с 20 октября начались непрерывные заседания Президиума ЦК КПСС, рассматривавшего развитие ситуации в Польше и Венгрии.

Политическим «эмиссаром» Москвы в Варшаву в середине октября 1956 г. направляется один из старейших членов Президиума ЦК КПСС Анастас Иванович Микоян, а успешное завершение его миссии в этой стране породило надежду на столь же благоприятный исход дела и в Будапеште.

Стремительное развитие событий в Венгрии началось с демонстрации 23 октября на центральной улице Будапешта Сталин Ут, участие в которой приняли до 200 тысяч жителей столицы и других городов.

Еще утром этого дня распоряжением посла Ю. В. Андропова, во избежание возможных провокаций и инцидентов, всем советским гражданам было запрещено появляться на улицах и приближаться к демонстрантам. Всем, кроме небольшой группы сотрудников посольства, владевших венгерским языком, которым было специально поручено наблюдать за ходом демонстраций и информировать посольство о развитии событий в городе.

И в этом смелом решении было скрыто стремление посла Андропова получить многочисленные, не связанные между собой впечатления непосредственных очевидцев событий для подготовки обзорно-аналитических сообщений в инстанции. Что и по прошествии многих лет может оцениваться исключительно как стремление представлять объективную информацию о происходящих событиях, пусть и крайне напряженных и драматических.

Работники военного атташата, а также третьи секретари посольства В. А. Крючков и В. А. Черников, В. Н. Казимиров провели немало напряженных часов в рядах крайне возбужденных демонстрантов, чьи антисоветские и антиправительственные настроения постоянно искусно подогревались ораторами.

В ходе демонстрации, ставшей прелюдией к возникновению сначала массовых беспорядков, а затем и кровопролитных вооруженных столкновений, было хорошо видно, что с каждым часом тон все сильнее стали задавать антисоветские элементы. Если вначале выдвигался лозунг «установления советско-венгерской дружбы на новых основах», то потом появилось требование выхода из Варшавского договора.

Демонстрация, в которой первоначально доминировали студенты, началась под лозунгами национальной независимости, демократизации, исправления ошибок «ракошистского» руководства, привлечения к ответственности виновных в репрессиях 1949–1953 гг. Среди требований манифестантов фигурировали также немедленный созыв партийного съезда, вывод

советских войск из Венгрии, сноса памятника Сталину на центральной площади Будапешта. На волне нарастающего давления «улицы» вечером этого дня И. Надь был избран премьер-министром страны, и отныне он стал рупором и проводником лозунгов и идей антисоциалистической оппозиции.

Для взвинчивания антисоветских настроений контрреволюционные элементы искусно использовали призыв снести монумент Сталина на центральной площади города. Была собрана многотысячная толпа. Один за другим ораторы обрабатывали ее во враждебном СССР духе, а затем были пущены в ход тягачи, подъемные краны, стальные тросы, чтобы свалить статую с пьедестала.

Глумление над поверженным монументом продолжалось несколько часов: на нем прыгали и плясали, отбивали куски металла, а затем, прицепив к двум тягачам, поволокли по главному проспекту. Около полуночи огромная толпа, сопровождавшая поверженный монумент, подошла к посольству СССР и лишь после очередного митинга двинулась дальше.

Теперь и Москва, и власти Венгрии стали убеждаться в обоснованности и прозорливости предупреждений Андропова. Власти Будапешта были в растерянности: по мере роста числа манифестантов и их столкновений с силами охраны порядка характер происходившего на улицах и площадях начал меняться, появились антиправительственные лозунги.

Еще около 18 часов 23 октября первый секретарь ВПТ Э. Гере по телефону лично просил Н. С. Хрущева ввести в столицу для поддержания порядка части Особого корпуса советских войск (они под командованием генерал-лейтенанта П. Л. Лащенко находились здесь согласно договору об образовании Организации Варшавского договора от 14 мая 1955 г.).

Но Хрущев поручил Андропову получить письменное обращение правительства Венгерской республики с просьбой об оказании военной помощи для нормализации обстановки. И такое обращение было подписано премьер-министром А. Хегедюшем за несколько часов до своей отставки, а сменивший его на этом посту И. Надь отказался признать его обоснованность, что стало причиной дальнейшей эскалации напряженности и усиливавшегося кровопролития в Будапеште.

Первый секретарь ЦК ВПТ Гере в радиообращении к народу квалифицировал происходившее как начало контрреволюции и заявил об объявлении чрезвычайного положения в стране, что, однако, не остановило демонстрантов от прямых вооруженных столкновений с полицией и «алашистами» (от «Алаши веделем» – государственная безопасность).

В 20 часов 23 октября начальник Генерального штаба Советских войск маршал В. Д. Соколовский отдал приказ командиру Особого корпуса П. Л. Лащенко о приведении частей корпуса в боевую готовность, а через три часа из Москвы последовал приказ о направлении войск в Будапешт «для оказания помощи правительству ВНР в связи с возникшими в стране политическими беспорядками».

Когда около 4 часов утра 24 октября советские части начали входить в город, «повстанцы» уже завладели арсеналами и захватили в столице несколько ключевых пунктов и важных объектов, в том числе здание Радиокomiteта Венгрии, начали бои против правительственных войск, которые не проявляли особой активности в подавлении мятежников, а подчас и переходили на их сторону.

Утром 24 октября на аэродром Секешфехервара, где размещался штаб Особого корпуса, прибыла представительная делегация из Москвы: заместитель председателя Совета министров СССР А. И. Микоян, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, председатель КГБ при СМ СССР И. А. Серов и его первый заместитель С. С. Бельченко, первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР генерал армии М. С. Калинин.

И тот, кто и сегодня тиражирует затертые пропагандистские штампы об Андропове как «палаче венгерской революции», *добровольно расписывается в собственной некомпетентности и неосведомленности, в распространении ложной информации.*

Ибо понятно, что политические решения готовились именно указанной группой, политический вес и влияние каждого из членов которой были несравнимо значимее, нежели у советского посла, являвшегося лишь представительным-связующим элементом в системе межгосударственных отношений, и санкционировались лично Первым секретарем ЦК Н. С. Хрущевым. Роль же Ю. В. Андропова в октябре-ноябре 1956 г. в Будапеште, о чем мы еще скажем далее, имела преимущественно организационно-технический характер.

Андропов не смог даже встретить эту делегацию: еще ночью посол, военный атташе полковник П. М. Цапенко и другие сотрудники посольства, на двух «ЗИМах» направились в аэропорт, но в десяти километрах от Будапешта, в маленьком селении, недалеко от памятника советскому парламентару Остапенко, были остановлены возбужденной толпой манифестантов... Посол и сопровождавшие его лица вышли из машины, но тут же были окружены.

– Первым на моем пути оказался молодой подвыпивший паренек с непонятно откуда взявшимся огромным портфелем в руках, – вспоминал Андропов. – Я шагнул в его сторону, и парень инстинктивно сделал шаг влево; толпа за ним расступилась, и мы по очень узкому коридору вышли из кольца.

Несколько часов кружным путем делегация пешком возвращалась в посольство.

Еще на аэродроме третий секретарь посольства Владимир Александрович Крючков слышал, как председатель КГБ при СМ СССР Серов докладывал главе советской партийно-правительственной делегации А. И. Микояну, что, мол, посол по молодости преувеличивает опасность – ничего серьезного в городе не происходит.

Члены правительственной делегации А. И. Микоян и М. А. Суслов остановились в официальной резиденции венгерского правительства на том же проспекте Сталина, именовавшейся «Ворошиловским особняком».

Когда Андропов прибыл в резиденцию советской делегации, Микоян попросил председателя КГБ вновь доложить обстановку в присутствии посла. Смысл сказанного Серовым сводился к тому, что обстановка в Будапеште сложная, но преувеличивать сложности было бы неверно, и главные очаги повстанцев уже подавлены. Наиболее опасным центром сопротивления, где, по имеющимся данным, сосредоточены около 5 тысяч человек, остается захваченный Радиокomitee.

Микоян с порога заявил Андропову, что посольство сгущает тучи, явно преувеличивает силы контрреволюционеров и сложность обстановки.

В тот же день Андропову довелось услышать в тоне плохо скрываемого раздражения вердикт о неминуемой отставке: отправляясь вместе с Сусловым на встречу с премьером, Микоян уже в дверях бросил:

– А вы, Юрий Владимирович, оставайтесь! С Надем мы договоримся без вас.

Вечером того же напряженного дня, надиктовывая телеграмму о состоявшихся переговорах в Москву, существенно отличавшуюся по оценкам от телеграмм посольства от 22 и 23 октября, Микоян отчеканил:

– Юрий Владимирович, вам надо отойти в сторону!

С 25 по 27 октября в Будапеште наступило обманчивое затишье, которое Микояном было принято за достижение успеха.

Отстраненный от участия в переговорах с венграми Андропов занимался вопросами информационного обеспечения советской делегации, а также обеспечения безопасности персонала дипмиссии и членов семей.

При этом он практически постоянно находился в служебном кабинете, куда постоянно прибывали с сообщениями и за указаниями сотрудники посольства, а также за справками и с предписаниями члены московской правительственной делегации, которая постоянно подпитывалась информацией из посольства.

Также в посольство СССР обращались за разъяснениями и поддержкой многие общественные и государственные деятели Венгрии, дезориентированные разгулом реакции и анти-советской истерии.

26 октября госсекретарь (министр иностранных дел) США Джон Даллес публично подстрекал заявить, что любая страна, которая «порвет с Москвой», может рассчитывать на помощь Америки.

Обманув ожидания Москвы и Микояна, 28 октября Надь объявил о роспуске армии и органов безопасности, отменил комендантский час в Будапеште, выпустил из тюрьмы заключенных, отменил ранее согласованные с советскими военными операции по ликвидации оставшихся главных узлов сопротивления (о которых, как уже о состоявшемся факте, Микоян сообщил в Москву).

Теперь из окон «Ворошиловского особняка» высокие московские визитеры воочию могли видеть и слышать то, о чем на протяжении как минимум трех месяцев Андропов предупреждал Кремль.

А накануне рубежного дня, вечером 27 октября, в неподражаемой восточной манере А. И. Микоян «снял опалу» с советского посла:

– Юрий Владимирович, ты что, нас сторонисься? Обиделся? Ну, разве можно сердиться на старого армянина? Давай работать!

28 октября Микоян и Сулов могли вновь воочию убедиться, что ситуация в Венгрии стремительно ухудшается и советская военная помощь необходима. Но тем не менее в ночь на 29 октября советским частям был отдан приказ прекратить огонь.

Вывод советских частей из Будапешта вызвал небывалый всплеск реваншистских настроений, приведший к многочисленным кровавым расправам на улицах с «нелояльными» лицами, включая коммунистов, известных общественных деятелей, «алашистов» (сотрудников органов безопасности, в том числе рядовых солдат-призывников частей МВД и пограничных войск

Венгерской Народной Республики), а также мародерства, погромов и грабежей. (Картина, увы, знакомая нашим согражданам по событиям 1992–1993 гг., а также опыту «бархатных революций» уже в Киргизии, Молдове, Грузии, Украине в начале двадцать первого века)...

Ободренный этим шагом, 30 октября И. Надь от имени правительства Венгрии потребовал немедленного вывода советских войск с территории Венгрии и заявил о выходе страны из Организации Варшавского договора.

В Москве заколебались, надеясь еще сохранить за собой поле для маневра и рычаги воздействия на Надя. В Будапеште против решения о выводе войск выступили Ю. В. Андропов и М. А. Сулов, в Москве – министр обороны маршал Г. К. Жуков. Решение о выводе поддерживал А. И. Микоян...

В тот же день «повстанцы» захватили здание Будапештского горкома ВПТ и зверски публично расправились со всеми, захваченными в нем...

Но в этот же день В. Н. Казимиров доложил послу обнадеживающую информацию: один из старейших (с 1919 г.!) членов партии просил сообщить «советским товарищам» о разрыве многих членов ВПТ с правительством Надя и стремлении сформировать альтернативное правительство. Это была крайне важная информация о переломе настроений среди членов партии.

30 октября посол Андропов организовал эвакуацию семей остающихся в Будапеште дипломатов, включая и свою собственную...

1 ноября, когда И. Надь предпринял попытку поставить «венгерский вопрос» в ООН, ввел в свое правительство представителей старых буржуазных партий, здоровыми демократическими силами ВПТ и было начато формирование Временного Рабоче-крестьянского правительства во главе с членом ЦК Яношем Кадаром, которое и обратилось к делегации Советского правительства 3 ноября с просьбой оказать военную помощь в подавлении вооруженной контрреволюции.

Стремясь заручиться поддержкой союзников, объяснив им вынужденность и мотивы принимаемого в Кремле трудного решения о повторном вводе войск в Будапешт, сам Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев совершил блицвизиты 2–3 ноября в Польшу, Румынию и Югославию.

В 6 часов утра 4 ноября войска Особого корпуса по приказу министра обороны СССР маршала Г. К. Жукова начали вновь входить в Будапешт и другие крупные города – началась операция «Вихрь».

Через несколько дней в посольстве СССР стали раздаваться телефонные звонки – это главари некоторых мятежных групп хотели оговорить условия своей капитуляции.

7 ноября, когда еще в ряде районов Будапешта шла стрельба, на скромный ужин в посольство прибыли А. И. Микоян, М. А. Сулов и другие высокопоставленные командированные из Москвы лица.

Полностью оставшиеся очаги сопротивления в городе были подавлены только к 10 ноября. А спустя несколько дней в посольство из Москвы прибыла большая группа специалистов для оказания помощи венгерским товарищам в налаживании работы промышленности, снабжения, транспорта и других отраслей народного хозяйства.

Позднее о причинах возникновения подобных кризисов и в отдельных социалистических странах (Чехословакия, Польша), да в самом СССР в 1989 г., столь информированный автор, как бывший первый заместитель председателя КГБ СССР генерал армии Ф. Д. Бобков, напишет так: **«Лидеры упивались или наслаждались властью, отбрасывая всю информацию об угрозах извне, о процессах в стране, могущих посеять недоверие к властям, нарушить стабильность в государстве. Не только руководители государства были поражены вирусом «непобедимости». Болезнь поразила общество».**

Однако указанные нами обстоятельства, внутренние субъективные причины поражения социализма на современном этапе вряд ли могут быть поставлены «в вину» социалистической теории и идеологии. Ибо они знаменуют собой именно разрыв с основными постулатами теории научного коммунизма.

Многочисленным сегодня скептикам и хулителя коммунистических идеалов я предлагаю просто вдуматься в следующие слова одного из признанных на Западе экспертов в вопросах коммунизма:

«Порожденный нетерпеливым идеализмом, отвергавшим несправедливость существующего порядка вещей, он стремился к лучшему и более гуманному обществу, но привел к массовому угнетению. Он оптимистически отражал веру в мощь разума, способного создать совершенное общество.

Во имя морально мотивированной социальной инженерии он **мобилизовал самые мощные чувства – любовь к человечеству и ненависть к угнетению. Таким образом, ему удалось увлечь ярчайшие умы и самые идеалистические души**, он привел к самым ужасным преступлениям нашего, да и не только нашего столетия».

Прежде чем раскрыть читателю тайну имени цитируемого автора, отметим, что партийно-политическая оценка преступлений и злодеяний 30 – 50-х гг. была уже дана XX съездом КПСС. Однако продолжим прерванное нами цитирование сочинения еще не названного американского автора.

«Более того, коммунизм представлял собой ложно направленное усилие навязать общественным явлениям тотальную рациональность. Он исходил из представления, что грамотное, политически сознательное общество может осуществлять контроль над общественной эволюцией, направляя социо-экономические перемены к заранее намеченным целям.

Так чтобы история уже более не была бы просто спонтанным, преимущественно случайным процессом, но стала бы орудием коллективного разума человечества и служила бы

моральным целям. Таким образом, коммунизм домогался слияния посредством организованных действий, политической рациональности с общественной моралью».

Признаемся, что нами цитировалась книга бывшего помощника президента США по национальной безопасности профессора Збигнева Бжезинского, причем ее русскоязычное нью-йоркское издание. Добавим при этом, что Бжезинский, в отличие от большинства нынешних доморощенных «антикоммунистов», отнюдь не отрицал наличия у коммунистической идеи «плодотворных и даже конструктивных аспектов стремления к совершенному обществу» и даже выражал надежду, что уже в XX веке «современные плюралистические демократии сделают их частью своих систем» (Бжезинский 36. Большой провал: Рождение и смерть коммунизма в XX веке. New-York, Liberty Publishing House, 1989, сс.216,241).

«Венгерское восстание» стало не только значительным личным испытанием для Андропова, но и одним из важнейших событий мировой истории пятидесятих годов прошлого века.

Лучше многих информированный о сути, содержании, формах и динамике процесса вызревания социально-политического конфликта в Венгрии, Юрий Владимирович, естественно, не раз впоследствии мысленно возвращался к событиям той поры, ища варианты ответов на возникающие вопросы и проблемы в извлеченных и не извлеченных уроках тех дней. И вследствие этого главной задачей для себя и иных членов руководства стран социалистического лагеря он видел в недопустимости неконтролируемого течения событий, чреватых тяжелыми кровопролитными последствиями, необходимость оперативной выработки и принятия адекватных мер и действий.

И именно этот **уникальный личный опыт** и являлся подлинным и вполне объяснимым «венгерским синдромом», а не тот якобы «страшный испуг», который, по словам некоторых, писавших о нем авторов, Андропов «испытывал по отношению ко всяким переменам в мире». В чем еще читателю представится возможность убедиться далее.

Без понимания сути этого трудно объективно оценивать многое из того, что имело место в истории XX века, в том числе и в судьбе моего героя.

Добавим при этом, что в ходе «венгерских событий» октября – декабря 1956 г. погибли 720 советских военнослужащих и около 2 с половиной тысяч венгров. При этом недопустимо абсолютно всех из них записывать в «защитников и борцов народной революции», поскольку многие из них были убиты или линчеваны именно этими «защитниками». По приговорам судов в Венгрии были казнены 229 активных участников **незаконных вооруженных формирований «повстанцев»**, около 30 тысяч из них были осуждены, а еще 130 тысяч венгров покинули страну.

И тому, кто захочет упрекнуть Андропова в «приверженности тирании и тоталитаризму», зададим проверочный вопрос: а известно ли им, сколько беженцев, в официальных документах Управления по делам беженцев ООН стыдливо именовавшихся «вынужденными переселенцами», появилось в СССР после известных событий 1956 г.? По данным названного международного органа, в 1992 г. их общее число превышало 6 миллионов граждан бывшего Советского Союза...

Впоследствии в одном из документов ЦК КПСС, датированном 19 декабря 1956 г., подчеркивалось, что в Венгрии «международная реакция во главе с империалистическими кругами США, опираясь на хортистско-фашистские силы и прикрываясь фальшивыми лозунгами «свободы и демократии», организовала контрреволюционный заговор против венгерского народа, используя для этого недовольство значительной части населения, вызванное тяжелыми ошибками, допущенными бывшим государственным и партийным руководством... Венгрия при помощи советских войск разгромила контрреволюционный заговор и отстояла свои социалистические завоевания».

В документе также отмечалось, что является косвенной оценкой роли Ю. В. Андропова, что зарубежные коммунистические партии рассматривают оказанную ВНР помощь в борьбе

с контрреволюционным выступлением «как пример выполнения Советским Союзом своего интернационального долга в борьбе с происками империалистической реакции».

Пребывание в перенасыщенном драматическими событиями Будапеште самым непосредственным образом сказалось на семье и здоровье будущего Генерального секретаря ЦК КПСС и председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Его жена, Татьяна Филипповна, которая стала невольной свидетельницей линчевания коммуниста на улицах Будапешта, получила нервное потрясение, которое впоследствии многие годы сказывалось на состоянии ее здоровья.

Медиатор¹

Аналитические и дипломатические способности, проявленные Ю. В. Андроповым в период венгерского кризиса, были высоко оценены советским партийным руководством – Президиумом ЦК КПСС и лично Н. С. Хрущевым по докладам А. И. Микояна, М. А. Суслова, И. А. Серова и Д. Т. Шепилова

В марте 1957 г. Андропову было поручено возглавить только что образованный отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями стран народной демократии, нередко именовавшийся во внутренних цековских документах просто «Отделом ЦК».

Отдел этот должен был заниматься реализацией на практике комплекса важнейших задач международной политики, сформулированных в решениях XX съезда КПСС. Фактически – обеспечением мирного соревнования двух социально-политических систем на международной арене, провозглашенного годом ранее XX съездом КПСС. Теперь уже самому Юрию

Владимировичу от имени ЦК КПСС предстояло вырабатывать и реализовывать политику Советского Союза в отношении этих государств.

Позднее сам Андропов отмечал, что «развитие содружества социалистических стран вызвало необходимость выработать принципы отношений между ними, наладить всестороннее сотрудничество, наметить пути становления мирового социалистического хозяйства. Марксистско-ленинские партии совместными усилиями взялись за решение этих насущных вопросов, ответили на них не только теоретически, но прежде всего делом, добиваясь укрепления братской семьи социалистических народов».

Возглавлявшемуся Ю. В. Андроповым Отделу ЦК предстояло воплотить в практику межгосударственных отношений положения и принципы, изложенные в **Декларации правительства Союза ССР от 30 октября 1956 г. «Об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами»**.

Понятно, что немалый личный вклад в решение названных вопросов вносил сам Андропов. Помимо этого он занялся подбором кадров, способных, по его мнению, плодотворно и творчески решать нестандартные вопросы, которые постоянно поднимала и ставила сама жизнь, повседневная практика международных отношений.

В организации налаживания работы коллектива ему помогали и знание дипломатии, полученное в МИДе и в Будапеште, и умение работать с людьми, являясь и организатором совместного труда, и «генератором идей».

Даже географически «зона ответственности» Отдела была велика – Восточная и Юго-Восточная Европа, Китайская Народная Республика, Монгольская Народная Республика, Корейская Народно-демократическая Республика, Демократическая Республика Вьетнам, затем к ним присоединилась и Республика Куба. Отношения СССР с некоторыми из этих странами, в том числе с Албанией, Югославией и Китаем, как известно, были в тот период времени непростыми, как и сама внутривосточная обстановка в некоторых из них.

Помимо этого, многие из этих государств являлись объектом массовой политической, экономической и пропагандистско-идеологической атаки со стороны капиталистических соседей.

Во многом работу Отдела приходилось начинать с «чистого листа», преодолевая как проблемные «напластования» исторического прошлого, так и агрессивные устремления и подрывные акции спецслужб империалистических государств.

¹ Медиатор (от лат. mediator, от medius) – срединный, в середине находящийся; посредник. Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. 1907

На этой, как и на всех последующих должностях, Андропов показал себя именно как **самостоятельный, творчески мыслящий** руководитель и политик, а не как простой и бездумный канцелярист-исполнитель, номенклатурно-аппаратный чиновник.

Об этой отличительной черте характера Андропова работавший с ним Ф. М. Бурлацкий писал, что он «собственно, иначе и не мыслил, кроме как политическими категориями.... Это значит, что он рассматривал вопрос с точки зрения государственной политики страны, тех последствий, которые может иметь то или иное событие или решение для ее интересов».

Разумеется, деятельность Отдела ЦК, возглавлявшегося Ю. В. Андроповым, как и вся внешнеполитическая деятельность советского государства, протекала в условиях, жестко задававшихся складывавшейся международной обстановкой, позицией супергиганта капиталистического мира, Соединенными Штатами Америки по целому ряду актуальных международных проблем, а также целями и задачами политики «холодной войны».

Понятно также, что политика США и их союзников и сателлитов в отношении СССР и других стран народной демократии не оставалась неизменной. Эти изменения во внешней политике вызывались как персонально-личностным видением будущего мира каждым американским президентом, целей и приоритетов своей деятельности, так и существовавшими в то время реалиями межгосударственных отношений.

Поскольку внешнеполитические доктрины США накладывали непосредственный отпечаток на цели, организацию и содержание политики, а также на организацию и тактику разведывательно-подрывной деятельности против СССР и стран социалистического лагеря как собственных спецслужб, так и их многочисленных союзников из различных политических и военно-политических блоков, представляется необходимым напомнить читателям о существовании господствовавших в тот период времени концепций и подходов к международным отношениям. Этот важный аспект историко-политологического анализа в настоящее время, как правило, игнорируется подавляющим большинством авторов, писавших как о Ю. В. Андропове, так и о международных отношениях того периода времени.

Первым в послевоенный период творцом геополитики США стал президент Г. Трумэн, 17 марта 1947 г. в Конгрессе провозгласивший доктрину «сдерживания коммунизма», позднее названную его именем.

Еще одной новацией внешней политики Трумэна стало значительное укрепление американских спецслужб с созданием в октябре того же года Центрального разведывательного управления (ЦРУ) США, а в мае 1949 г. – военно-политического блока НАТО.

Директива Совета национальной безопасности США 20/1 от 18 августа 1948 г. официально провозглашала:

«Наши основные цели в отношении России сводятся всего к двум:

а) Свести до минимума мощь и влияние Москвы;

б) Провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которой придерживается правительство, стоящее у власти в России.

...Мы не связаны сроком для достижения наших целей в мирное время».

Понятно, что эти цели и основанные на них методы действия прямо противоречили выработанным участниками Антигитлеровской коалиции (1941–1946 гг.) принципам международного права и межгосударственных отношений, сложившихся после окончания Второй мировой войны. Новым активным субъектом международных отношений стала и Организация Объединенных Наций (ООН), образованная в 1949 г.

В этой связи – подчеркнем это для «критиков» истории советского государства – **необходимость ответных и адекватных мер** отражения «недружественных» устремлений США и их союзников со стороны СССР **являлись абсолютно обоснованными, правомерными и необходимыми**.

В 1953 г. концепцию «сдерживания коммунизма» сменила доктрина «отбрасывания коммунизма», известная также под названием «доктрины освобождения». Выдвигая ее в качестве альтернативы «сдерживанию коммунизма», государственный секретарь США 1953–1959 гг. Джон Фостер Даллес предлагал «бороться за «освобождение» Восточной Европы методами, «близкими к настоящей войне – **войной политической, психологической и пропагандистской**».

В 1955 г. было начато вещание на социалистические страны на языках населяющих их народов радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода», тайно финансировавшихся и управлявшихся американской разведкой – правда об этом станет известна только в 1973 г. в результате деятельности Комиссии конгресса США под председательством У. Фулбрайта по расследованию деятельности ЦРУ.

В январе 1957 г. президент Д. Эйзенхауэр запросил от Конгресса согласия на применение вооруженных сил США на Ближнем Востоке в случае необходимости «защиты» этого региона от «коммунистической агрессии». Конгресс согласился на выделение 200 миллионов долларов на оказание помощи любой стране, «контролируемой международным коммунизмом», обратившейся к США за помощью.

В 1959 г. Конгресс США принял закон «О поработанных народах» (Закон 86–90), ассигновывавший средства на поддержку «сопротивления» в «оккупированных Советами странах». В соответствии с этим законом в США начали ежегодно в третью неделю июля проводиться «Недели солидарности» с «поработанными» и «борющимися за независимость народами». Принятие этого закона явилось реализацией доктринальной установки президента Д. Эйзенхауэра, заявленной им еще в 1953 г.

Разумеется, вся информация о подобных акциях и кампаниях антисоциалистической и антисоциалистической направленности, в том числе и поступающая от резидентур КГБ СССР за рубежом, ложилась на стол заведующего Отделом ЦК КПСС Ю. В. Андропова.

Некоторые подобные документы советской разведки – от сообщений зарубежных резидентур ПГУ до записок КГБ в ЦК КПСС – были опубликованы в приложении к пятому тому «Очерков истории российской внешней разведки. 1945–1963 гг.» (М., 2003), где с ними может ознакомиться любой желающий.

Понятно, что современный читатель будет немало удивлен, узнав об очередной инициативе СССР, направленной на реализацию курса на развитие мирного существования, укрепления мер доверия между государствами, разрядку международной напряженности, принятого XX съездом КПСС. И тем не менее **8 января 1958 г.** Советское правительство направило **правительствам всех стран предложения об отказе от «холодной войны» и созыве совещания глав правительств для обсуждения широкого круга проблем безопасности** (отказа от применения ракетно-ядерного оружия, создания в Европе безъядерной зоны, заключения пакта о ненападении между Организацией Варшавского договора и НАТО, ликвидации вооруженных баз на иностранных территориях, прекращении пропаганды войны и др.).

Но тогда эти предложения были отвергнуты западными странами, а отдельные из выдвинутых положений, в том числе **о проведении Общеввропейского совещания по проблемам безопасности и сотрудничества**, начали реализовываться позже.

Карибский кризис октября – ноября 1962 г. привел к выработке «мозговыми центрами» США доктрины «наведения мостов», официально провозглашенной Линдоном Б. Джонсоном 23 мая 1964 г. Ее целью объявлялось достижение «ослабления международной напряженности и устранение опасностей, связанных с «холодной войной» между государствами, придерживающимися различных идеологий».

Важной составной частью «наведения мостов» считалось «функциональное проникновение в советскую систему», к которой относились также и социалистические государства Европы и Азии.

Близко знакомый с Андроповым консультант Отдела ЦК Ф. М. Бурлацкий подчеркивал, что «идеология противостояния двух лагерей, классовой (точнее, более строго научно говоря, геополитической. – О. Х.) борьбы за влияние на мир между СССР и США, недопустимость «откатывания назад» с завоеванных позиций в тех или иных регионах мира, возможность использования самых разнообразных методов, вплоть до военных, в целях защиты революции и наших государственных интересов (обычно это переплеталось между собой) – таковы были ориентиры политического мышления Андропова».

На посту куратора международных связей КПСС и советского правительства со странами народной демократии Ю. В. Андропову также сразу пришлось включиться в отлаживание новых многосторонних механизмов межгосударственного сотрудничества и взаимодействия по линиям **Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и Организации Варшавского договора**.

Первая из названных организаций была образована в январе 1949 г. по решению правительств Народной Республики Албании (прекратила свое участие в деятельности организации в 1962 г.), Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Польской Народной Республики, Социалистической Республики Румынии, СССР и Чехословацкой Социалистической Республики. В дальнейшем к ней присоединились Демократическая Республика Вьетнам (с июля 1976 г. – Социалистическая Республика Вьетнам), Монгольская Народная Республика и Республика Куба.

Помимо оказания взаимной помощи в развитии экономик названных государств, СЭВ играл важную роль в налаживании специализации экономик в рамках международной системы разделения труда, создании в странах новых отраслей и производств, что отвечало интересам развития системы социалистических государств в целом.

Жизнь показала, отмечал Ю. В. Андропов 22 апреля 1964 г., что «развитие мировой системы социализма действительно сопровождается известными трудностями, связанными с преодолением старых традиций, старой психологии, унаследованной от капитализма. Приходится также решать сложные задачи, связанные с ликвидацией экономической отсталости ряда стран, вступивших на путь социализма. Но все это трудности роста, которые могут быть успешно преодолены совместными усилиями социалистических стран».

Перед Отделом ЦК КПСС, возглавлявшимся Андроповым, само развитие межгосударственных отношений ставило ряд актуальных вопросов, решение которых могло быть получено только в ходе дву- и многосторонних консультаций и обменов мнениями:

- Как совместить национальные, государственные интересы каждой социалистической страны с интересами всего содружества?
- Как направить в русло социалистического интернационализма бурные потоки возросшего национального сознания, связанные с успехами социалистического строительства?

По словам Андропова, задача состояла в том, чтобы, не пытаясь выйти за рамки существующих исторических условий, не игнорируя реальные процессы, делать максимум возможного для укрепления братских взаимоотношений между суверенными социалистическими народами. А это недостижимо, если «не учитывать всей их сложности, а подчас и противоречивости». На первый план выдвигались проблемы экономического и политического сотрудничества.

– Наша партия исходит из того, – подчеркивал Андропов 26 сентября 1964 г. на международной научной сессии, посвященной 100-летию I Интернационала, – что единство между социалистическими странами может быть достигнуто только на основе строгого учета национальных интересов каждой социалистической страны.

При непосредственном участии секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова – Секретарем ЦК он был избран 23 ноября 1962 г., сохранив за собой пост руководителя названного Отдела

ЦК, – были выработаны следующие принципы взаимоотношений между социалистическими государствами:

- развития и углубления экономических и политических связей, сотрудничества во всех областях общественной жизни на основе взаимной выгоды, соблюдения собственных интересов;
- равноправия;
- взаимного уважения суверенного права территориальной неприкосновенности, несовместимого с вмешательством во внутренние дела друг друга, с навязыванием одной страной своего опыта другим государствам;
- объединения усилий в области обороны, а также совместной защиты социалистических завоеваний народов этих государств.

Справедливости ради следует, однако, отметить, что Советский Союз, нередко занимавший позицию «старшего брата в братской семье народов социалистических стран», на практике порой отходил от принципа равноправия, соблюдения собственных национальных интересов, обеспечения взаимной выгоды, что приводило – объективно не могло не приводить – к росту экономических трудностей, социально-экономической напряженности в самом СССР.

– Общность политики и интересов рабочих всех стран, – отмечал секретарь ЦК КПСС Андропов в выступлении в Берлине на Международной научной сессии, посвященной 100-летию I Интернационала, 26 сентября 1964 г., – единство коренных целей диктуют необходимость братской солидарности перед лицом объединенного классового врага – международной буржуазии.

Помимо создания Объединенных Вооруженных Сил под единым командованием, концепция Варшавского договора предусматривала также принятие единой оборонной доктрины и проведения единой военной и оборонной политики. Целями ОВД являлось обеспечение безопасности стран-участниц и содействие поддержанию мира в Европе. Нетрудно заметить, что образование ОВД явилось ответом на создание Западом блока НАТО, ставшего с 1949 г. доминирующей вооруженной силой на западе Европы, а также в связи с присоединением к нему в 1955 г. Федеративной Республики Германии, реваншистские настроения в правящих кругах которой были достаточно сильны, а ее целью провозглашалось присоединение «советской зоны оккупации» – официально ГДР была признана ФРГ только в декабре 1972 г.

Подчеркнем, что 24 мая 1958 г. Политический консультативный совет ОВД, утвердив проект Пакта о ненападении между ОВД и НАТО, направил его государствам-членам НАТО с предложением о проведении конференции глав правительств по вопросам разрядки международных отношений.

Но, подобно многим другим мирным советским инициативам, эти предложения не были приняты странами НАТО.

При непосредственном участии Андропова готовился проект советского предложения по линии ОВД к совещанию руководителей компартий и правительств государств-участников Варшавского договора в Бухаресте летом 1966 г.

5 июля 1966 г. политический консультативный совет ОВД вновь обратился к западным государствам с предложениями о конкретных шагах по укреплению мира, в частности – о созыве общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Через 9 лет начатый этим обращением процесс триумфально завершился в Хельсинки созданием первой в истории системы поддержания коллективной безопасности в Европе.

Андропов являлся инициатором и непосредственным участником многих двух- и многосторонних переговоров по налаживанию деятельности указанных организаций, в связи с чем в качестве Секретаря ЦК КПСС он стал широко известен руководству всех социалистических стран.

Помимо этого, 1957 г. для Ю. В. Андропова ознаменовался подготовкой первого в истории Совещания коммунистических и рабочих партий стран народной демократии, состоявшегося в Москве.

Секретарь ЦК КПСС

23 ноября 1962 г. заведующий Отделом ЦК КПСС Ю. В. Андропов избирается секретарем ЦК КПСС. Рекомендую его кандидатуру Пленуму ЦК, Н. С. Хрущев заметил:

– Что касается товарища Андропова, то он, по существу, уже давно выполняет функции секретаря ЦК. Так что, видимо, нужно лишь оформить это положение.

Теперь Андропов еженедельно принимал участие в заседаниях Секретариата ЦК КПСС, который рассматривал вопросы внутренней политики СССР, в отличие от Политбюро ЦК, преимущественное внимание уделявшего именно международным проблемам. Однако многие вопросы и «решения» по ним для Политбюро ЦК готовились при участии Ю. В. Андропова и возглавлявшегося им Отдела по связям с компартиями социалистических государств.

Андропов лично принимал активное участие как в подготовке и проведении Международного совещания коммунистических и рабочих партий 1960 г. в Москве, а также в разработке новой Программы КПСС, впоследствии утвержденной XXII съездом КПСС в октябре 1961 г., второго Международного совещания коммунистических партий (март 1965 г.), Всемирного конгресса за всеобщее разоружение (9 – 14 июля 1962 г.), Бухарестского (5–6 июля 1966 г.) совещания компартий государств-участников Варшавского договора, Конференции европейских коммунистических и рабочих партий в Карловых Варах (24–26 апреля 1967 г.) и многих, многих других.

В сферу деятельности возглавлявшегося Андроповым Отдела ЦК входили также многочисленные попытки нормализовать партийные и государственные отношения с Китайской Народной Республикой, Корейской Народно-Демократической Республикой, Албанией и Румынией, которые, как известно, начали осложняться после XX съезда КПСС.

Особо драматический характер имело развитие советско-китайских отношений, завершившееся кровопролитными вооруженными конфликтами на границе двух государств в 1969 г.

Фактически открытый разрыв межпартийных отношений КПСС с Компартией КНР произошел в Москве в ходе неудачных межпартийных переговоров с 5 по 20 июля 1963 г.

Предпосылкой конфликта являлись, с одной стороны, разрастающийся культ личности Мао Цзэдуна в Китае, в связи с чем китайское руководство осуждало решения XX и XXII съездов КПСС и требовало их аннулирования. Что, безусловно, являлось вмешательством во внутренние дела и КПСС, и Советского Союза.

14 июня 1963 г. ЦК компартии Китая распространит «Открытое письмо к советским коммунистам», атаковавшее широким фронтом советскую политику. Конкретно ЦК КПК выдвигались 25 пунктов обвинений КПСС в «отходе от коммунистических идей», «ревизионизме», и содержался отказ признать КПСС руководящей силой в социалистическом лагере.

В частности, в письме содержалось требование аннулирования принципа мирного сосуществования за «отказ от мировой революции», от «перманентной революции», а от руководства КПСС требовался отказ от решений XX и XXII у съездов, от курса на десталинизацию жизни в нашей стране.

А 14 июля в «Правде» был напечатан ответ «китайским товарищам», одним из основных авторов которого являлся Ю. В. Андропов.

В этом письме, адресованном, помимо непосредственно ЦК КПК, также руководству компартий и государств мира, вновь обстоятельно разъяснялись смысл, назначение и содержание принципа мирного сосуществования, провозглашенного XX съездом КПСС, переводившего межгосударственное (именуемое ныне геополитическим) соперничество в мирные рамки социально-экономического соревнования двух политических систем государств.

В ответе ЦК КПСС подчеркивались неизбежные социальные последствия масштабного военного столкновения, особенно с использованием ядерного оружия и иных видов оружия массового уничтожения (ОМУ), обосновывалась необходимость борьбы за мир всех демократических движений и сил во всем мире.

В частности, в нем отмечалось: «В борьбе за предотвращение войны возможно объединение самых разных классов, самых разных классовых интересов, поскольку атомная бомба не придерживается классового принципа – она уничтожает всех, кто попадает в сферу ее разрушительного действия».

По одному из важнейших вопросов противоречий КПК и КПСС в письме чрезвычайно откровенно говорилось:

«...Навсегда ушла в прошлое атмосфера страха, подозрительности, неуверенности, отравлявшая жизнь народа в период культа личности. Невозможно отрицать тот факт, что советский человек стал жить лучше, пользоваться благами социализма.

Спросите у рабочего, получившего новую квартиру (а таких миллионы!), у пенсионера, обеспеченного в старости, у колхозника, обретшего достаток, спросите у тысяч и тысяч людей, которые незаслуженно пострадали от репрессий в период культа личности и которым возвращены свобода и доброе имя, – и вы узнаете, что означает на деле для советского человека победа ленинского курса XX съезда КПСС.

Спросите у людей, отцы и матери которых стали жертвами репрессий в период культа личности, что для них значит получить признание, что их отцы, матери и братья были честными людьми и что сами они являются не отщепенцами в нашем обществе, а достойными полноправными сынами и дочерьми советской Родины!».

Произошедший в ходе советско-китайских переговоров разрыв вскоре привел к разрыву в Китае «культурной революции», целью которой являлось «выкорчевывание ревизионизма» в партийных рядах, еще более обострившей межгосударственные отношения.

Несколько забегаая вперед, отметим, что в связи с изменившейся политической обстановкой в КНР в 1964 г. было принято решение об организации разведывательной резидентуры КГБ в советском посольстве в Пекине, которую поручили возглавить полковнику Ю. И. Дроздову. Отдел ЦК КПСС, возглавлявшийся Ю. В. Андроповым, стал основным адресатом разведывательной информации из Пекина.

Понятно, что «китайское» направление с 1963 г. стало одним из основных для Ю. В. Андропова. Помимо этого много внимания Отдела ЦК по связям с компартиями социалистических государств требовало развитие ситуации вокруг Демократической Республики Вьетнам (ДРВ), ставшей с августа 1964 г. объектом сначала «необъявленной», а затем открытой вооруженной агрессии со стороны США.

Весной следующего года в орбиту «необъявленной войны» оказались также вовлечены, помимо Вьетнама, Лаос и Камбоджа.

9 декабря 1965 г. Верховный Совет СССР призвал парламенты всех стран предпринять необходимые усилия, чтобы добиться прекращения боевых действий США против народов Северного и Южного Вьетнама.

Несмотря на наличие многочисленного воинского контингента США в Южном Вьетнаме, массированные бомбардировки авиацией территории ДРВ, в ходе которых американские ВВС потеряли более 1 800 бомбардировщиков, эта, названная современниками «постыдной» война завершилась в марте 1975 г. изгнанием интервентов из страны.

Одновременно рос, укреплялся авторитет и влияние Секретаря ЦК Ю. В. Андропова во внутривнутриполитических аспектах государственной политики и государственного управления.

Отметим, однако, то чрезвычайно важное обстоятельство, что именно Андропову Политбюро ЦК, фактически лично Н. С. Хрущевым было поручено выступить с докладом на торжественном заседании, посвященном 94-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. И это в то

время как Андропов не был в полном смысле слова членом «команды Хрущева», также он не примыкал и к его оппонентам, готовившим замену Первого секретаря ЦК на Пленуме КПСС.

После Пленума ЦК, избравшего нового Первого секретаря ЦК КПСС, 15 октября 1964 г. Андропов собрал сотрудников Отдела чтобы сориентировать их в ситуации. Рассказав о Пленуме, он заключил свое выступление словами:

– Хрущева сняли не за критику культа личности Сталина и политику мирного сосуществования, а потому, что он был непоследователен в этой критике. Теперь мы пойдем более последовательно по пути XX съезда.

Андропов не примыкал к организаторам «антихрущевского заговора». Однако, видимо, прежде всего благодаря политико-дипломатическому опыту и авторитету у руководителей стран социалистического лагеря, у Юрия Владимировича сложились хорошие рабочие отношения с новым Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Ильичем Брежневым, который, без сомнения, ценил и доверял опыту и политическому чутью секретаря ЦК КПСС Андропова.

В этой связи Андропов привлекался также к решению «непрофильных» вопросов внутренней политики, сумел оказать некоторое влияние на формирование «официальной позиции ЦК» и лично «товарища Брежнева».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.